

15 АПР 1983

ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА
г. Москва

Писатель за рабочим столом

Имя Арсения Александровича Тарковского достаточно хорошо известно широким кругам любителей поэзии. Младший современник и товарищ Ахматовой и других поэтов старшего поколения, он прошел свой отнюдь не усыпанный розами путь в отечественной литературе. Первую книгу стихов — «Перед снегом» — А. Тарковский выпустил лишь в 1962 году. С ее выходом стало ясно, что все предшествовавшие годы рядом с нами жил и творил глубокий, тонкий, неспешно работающий поэт. Недавно общественность Москвы отметила 75-летие А. Тарковского, творческий путь которого начался в далекие двадцатые годы.

— При Брюсовском институте были высшие литературные курсы, которые я посещал в 1925—1929 годах, — рассказывает поэт. — Нам читали лекции корифеи отечественной культуры. На всю

жизнь запомнились выступления профессоров С. И. и А. И. Соболевских, лекции Т. А. Рачинского...

— Арсений Александрович, я знаю, что ваши ближайшие родственники были профессиональными революционерами...

— Мой отец, Александр Карлович, был народоведец — восьмидесятник. Широко образованный человек, он знал семь европейских языков. За революционную деятельность царское правительство сослало его в глухую сибирскую деревню Тунка, что в 300 километрах от Якутска, где он отбывал ссылку вместе с дядей всем известного В. Б. Шкловского. После революции отец работал в советских учреждениях. Старший брат Валерий погиб в

1919 году на Украине, сражаясь с бандами Григорьева.

— Вы долго и успешно занимаетесь переводами. Как вы начинали?

— Несомненно, я пришел бы к переводам, но обстоятельства ускорили это дело. В начале тридцатых годов я работал старшим инструктором — консультантом по художественной и политической литературе на радио и написал пьесу «Стекло», которую взялся поставить О. Н. Абдулов. Но работу пришлось оставить, и Г. А. Шенгели предложил мне переводить восточных поэтов. Стихи средневекового арабского поэта аль-Маарри в моих переводах впоследствии вышли в Библи-

отеке всемирной литературы. На русский язык я переложил каракалпакский эпос «Сорок девушек», который насчитывает 12 тысяч строк, поэму А. Мицкевича «Гражина». Много перевел из туркменской, грузинской, еврейской поэзии.

Мой принцип работы? Считаю, что переводы должны нести максимум информативной нагрузки, должны передавать дух эпохи, национальный колорит. Чем скромнее переводчик как автор, чем больше он уважает оригинал, тем перевод лучше.

— В годы Великой Отечественной войны вы были военным корреспондентом, награждены орденом Красной Звезды, медалями. Как отразилась

война на вашей судьбе и в творчестве?

— Я был корреспондентом газеты «Боевая тревога» 11-й гвардейской армии. Приходилось много писать сатирических и юмористических стихов, а также на темы, которые были актуальны для того времени и для конкретных обстоятельств, складывающихся на нашем участке фронта. В конце войны меня ранило в ногу, газовая гангрена и семь реампутаций... После этого вновь занялся переводами. Впечатления военных лет отразились в стихах, написанных позднее.

— Чем знаменателен для вас ушедший год и каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

— В юбилейный для ме-

ня год в издательстве «Художественная литература» вышел мой однотомник, куда вошли многочисленные переводы, оригинальные стихи. Готовлю статью к книге стихов прекрасной поэтессы Марии Петровых, продолжаю работать над собственными стихами. Мое глубокое убеждение: стихи хороши, когда чувства проверяются разумом, а разум — чувствами.

...В одной из комнат Дома творчества в Переделкине допоздна, а чаще всего до утра не гаснет свет. За столом, склонясь над рукописью, сидит уже немолодой, но с удивительно юными глазами человек, поэт, как сказал академик Д. С. Лихачев, «судьбы, в которой сливается прошлое с настоящим и будущим, которая вся — произведение искусства, а потому бесценна, потому-то и бессмертна, потому-то и счастлива...».

Б. ЗИГАНШИН.

ВРЕМЯ, СЛИТОЕ В СУДЬБЕ